

Гу Яньшу лежал на диване, широко расставив плечи и опираясь руками на его край. Правая нога была закинута на левую, создавая впечатление расслабленности, но при этом его поза излучала некое давление и угрозу. Его острый взгляд скользнул по Бай Ицину, и он произнес:

— Я уже подписал документы, свидетельство о браке хранится у отца. Я не хочу, чтобы кто-либо узнал о наших отношениях, так что свадьбы не будет. Теперь остается только дожидаться, пока ты родишь ребенка. Тогда я буду свободен, и ты тоже.

В душе Бай Ицина смешались чувства: обида и одновременно нежелание смириться. Для кого-то это было бы удачей — выйти замуж за представителя одной из самых влиятельных семей, а после рождения ребенка получить солидную сумму. Но Бай Ицин чувствовал себя так, будто он «играет роль святого, оставаясь грешником». Хотя именно он «заставил» Гу Яньшу жениться на нем, он все равно не мог смириться с этим.

Несмотря на все разговоры о равенстве, общество продолжало угнетать Омег. Альфы по-прежнему находились на вершине социальной пирамиды, считая, что Омеги созданы лишь для того, чтобы рожать и воспитывать детей. И для Гу Яньшу Бай Ицин был не исключением.

Ладно, какая разница, что он думает?

Бай Ицин отмахнулся от своих мыслей и спросил:

— Значит, теперь нужно просто дожидаться моей течки и поскорее зачать ребенка?

— М-м, — кивнул Гу Яньшу. — Отныне ты будешь жить здесь. Я не люблю, когда в доме есть посторонние, поэтому у нас нет прислуги.

— Ничего страшного, — тихо ответил Бай Ицин. — Мне это тоже не привыкать.

— Нет, я имел в виду, что гостиная в беспорядке. Если ты хочешь жить здесь, тебе придется убирать самому. И весь дом тоже.

— — промолвил Бай Ицин. — Хорошо.

— А, да, начнешь убирать завтра, а то сегодня можешь мне помешать.

Бай Ицин:

— ????? — А где я буду спать сегодня?

Гу Яньшу посмотрел на него с недоумением, как будто не понимал вопроса.

— На диване, конечно. А где еще?

Затем он что-то вспомнил, и на его лице появилось выражение отвращения.

— Ты что, хотел бы спать со мной?

Бай Ицин:

— ? Я не это имел в виду!

Гу Яньшу проигнорировал его растерянный взгляд и продолжил:

— Вы, Омеги, такие развратные! Вечно думаете только о таком!

Бай Ицин:

— !!!! Это ты сам придумал! Я еще не сказал, что вы, альфы, всегда думаете только о своем!

Он улыбнулся профессиональной улыбкой и сказал:

— Нет, вы ошибаетесь, я не это имел в виду.

— Тем лучше, — фыркнул Гу Яньшу, бросив на него взгляд, а затем снова уселся на диван, не желая уступить место. Он поднял подбородок, указывая на стакан молока. — Выпей.

Бай Ицин взял молоко, задержал дыхание и выпил залпом. Многие вещи, как и это молоко, он делал, даже если внутренне сопротивлялся и ненавидел их.

Даже закрыв глаза и задержав дыхание, он не мог избавиться от противного запаха, который витал вокруг него. После молока во рту осталась неприятная липкость, а вкус был просто отвратительным.

Увидев, что он допил, Гу Яньшу взял стакан и бросил его в раковину.

— Я помою, — предложил Бай Ицин, вставая, но тут же почувствовал головокружение. Перед глазами поплыли серые пятна, и он снова упал на диван.

Гу Яньшу обернулся на звук и увидел, что Бай Ицин сидит на диване, покрытый испариной, с бледным лицом. Он нахмурился, подошел и, взяв его за подбородок, заставил поднять голову.

— Что с тобой теперь?

Кровь прилила к лицу, в груди будто что-то разрывалось, а пот продолжал струиться по спине. Бай Ицин немного пришел в себя и сказал:

— Наверное, это низкий уровень сахара.

Он только начал восстанавливаться после болезни, да и за весь день почти ничего не ел. В дороге его тошнило, он терял кровь, так что низкий сахар был неудивителен.

Гу Яньшу что-то вспомнил и добавил:

— Я сегодня хотел спросить: почему ты выглядишь так плохо?

Бай Ицин прижал руку ко лбу, пытаясь справиться с головокружением, и с горькой улыбкой ответил:

— Здоровье слабое. Недавно у меня была температура, я не лечился, и она то поднималась, то падала. Только позавчера окончательно спала.

Причину же своей болезни он не стал упоминать, не ожидая, что этот «прямой альфа» догадается.

Бай Ицин предугадал следующую фразу Гу Яньшу:

— Вы, Омеги, такие неженки, — фыркнул Гу Яньшу, произнеся именно то, что ожидал Бай Ицин.

Бай Ицин невольно восхитился своей способностью предсказывать и с улыбкой ответил:

— Да-да, я слишком нежный, это моя вина.

Гу Яньшу бросил на него взгляд, снял пиджак, который был накинут на Бай Ицина, и перекинув его через плечо, вышел из комнаты, бросив:

— Жди.

Примерно через десять минут он вернулся и высыпал перед Бай Ицином кучу шоколадок.

— Вот, держи. Если будет низкий сахар, ешь их.

Темно-коричневые обертки скрывали сладкие шоколадки. Бай Ицин потрогал одну из них, и в его сердце закралось тепло. Этот альфа не такой уж плохой, подумал он.

Он развернул одну шоколадку, откусил и почувствовал, как сладость растекается во рту. Подняв глаза, он искренне произнес:

— Спасибо.

Его глаза светились, сочетая в себе чистоту и некую притягательность. Этот Омега действительно был красив, когда улыбался...

Гу Яньшу на мгновение замер, но тут же понял, что снова поддался его чарам. Гордость тут же взяла верх, и он резко отвернулся, холодно бросив:

— Хватит меня соблазнять! Я буду с тобой только во время твоей течки! В остальное время даже не думай!

С этими словами он направился в свою комнату, захлопнув дверь. Из-за двери донеслось:

— Я спать! Не мешай мне, а то я тебя прибью!

— погоди! — крикнул Бай Ицин. — Ты не дал мне... одеяло...

Его голос становился все тише, теряя уверенность.

— Вы, Омегы, вечно чем-то недовольны! — раздалось из-за двери. — Что, без одеяла умрешь?

— Не умру, но замерзну, — пожаловался Бай Ицин, потирая нос. — Господин Гу, если вы не дадите мне одеяло, я точно замерзну.

Прошло некоторое время, и Бай Ицин уже думал, как незаметно использовать пиджак Гу Яньшу в качестве подстилки, как вдруг дверь открылась. Гу Яньшу, с выражением раздражения на лице, бросил ему одеяло прямо в лицо.

— Вот, держи. Только не простудись, а то мне передашь.

Бай Ицин снял одеяло с лица, мягко произнес:

— Хорошо, спокойной ночи, господин Гу.

— М-м, — высокомерно ответил Гу Яньшу и ушел в свою комнату.

Бай Ицин тихо усмехнулся и мысленно пожелал:

— Спокойной ночи, маленький гордец.

Затем укрылся одеялом и уснул. Одеяло пахло деревом — это был аромат феромонов Гу Яньшу...

Утренний солнечный свет пробился через окно и упал на лицо Бай Ицина. Он тихо застонал, поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и перевернулся на другой бок. Но он забыл, что спит на

диване, и в результате упал на пол.

Бай Ицин сидел на полу, растерянно оглядываясь.

Где это я? Почему я здесь?

Он потер голову, прислонился к дивану и закрыл глаза, чтобы прийти в себя, но вместо этого снова заснул. Когда Гу Яньшу вернулся домой, он увидел Бай Ицина, сидящего на диване с закрытыми глазами, и подумал, что тот потерял сознание. Испугавшись, он подбежал к нему и начал трясти.

— Эй! Эй! Проснись!

— М-м... — Бай Ицин, которого трясли, почувствовал головокружение и оттолкнул Гу Яньшу. — Что ты делаешь?

Гу Яньшу, полный беспокойства, притянул его к себе и осмотрел.

— Что с тобой?

— Ничего, — ответил Бай Ицин, перед глазами у него потемнело, и он попытался встать, но не смог. — Помоги мне подняться.

Гу Яньшу обнял его за талию и усадил на диван, затем пошел на кухню и подогрел ему молоко.

Едва уловив запах молока, Бай Ицин поморщился. Гу Яньшу, увидев его бледное лицо, нахмуренные брови и испарину, решил, что он заболел.

— Что с тобой? — спросил он, прижимая Бай Ицина к себе и пытаясь накормить его молоком.

Бай Ицин отвернулся от «белого яда» и сказал:

— У меня просто утром низкий сахар.

Гу Яньшу, видя, что он отказывается пить, рассердился:

— Если ты чуть не потерял сознание, не будь ребенком! Выпей молоко!

С этими словами он поднес стакан к его губам.